

**Библиотека в системе социокультурных институтов:
осмысление понятий**

Уточнение сути эмпирических понятий в науках документально-коммуникационного цикла с помощью конструктивистских идей.

Ключевые слова: социокультурные институты, документальная коммуникология, библиотеки, музеи, архивы, библиотечные документы, архивные документы, музейные предметы.

Словосочетание «библиотека в системе социокультурных институтов» обычно трактуют как констатацию давно замеченного сходства библиотек, музеев, архивов и других документально-коммуникационных институтов. Этой теме посвящены в той или иной степени Международные научные конференции EVA. «Электронная конвергенция: новые технологии в музеях, галереях, библиотеках и архивах» (2000 г.); «Культурное наследие для всех: новые технологии в музеях, галереях, библиотеках, архивах» (2001 г.). На EVA-2002 представлен доклад «Единство документного пространства в историческом ракурсе в библиотековедческой мысли прошлого»; на EVA-2003 – «Технологии информационного общества в музеях, библиотеках, архивах».

Десятая Международная конференция архивистов стран Центральной и Восточной Европы (Сковронековские чтения-2004 г., Польша) вновь подняла вопросы «общности и различия единой системы накопления, хранения и использования исторической памяти – музеев, библиотек, архивов».

Обсуждение этой темы продолжилось на страницах журнала «Отечественные архивы» [1–3]. Так, отмечена тенденция к интегрированию архивов, библиотек и музеев в единые синтетические комплексы (З. А. Силаева, Т. М. Горяева) [1. С. 85], что может трактоваться как свидетельство общих генетических оснований учреждений документально-коммуникационного цикла, подтверждая концепцию Т. Ф. Берестовой [4]. Высказано мнение о необходимости появления какой-либо организационной формы (центра или комитета), системно координирующей усилия музеев, библиотек и архивов по поддержанию исторической памяти (А. А. Сундиева) [1. С. 81].

Проблема интеграции обсуждается и на ежегодной международной конференции «Крым»: одна из её постоянных секций – секция 4 называется «Библиотеки и музеи в общем пространстве информации и культуры».

Сотрудники архивов, библиотек и музеев ведут совместные проекты: в 2009 г. прошло совещание-семинар работников федеральных музеев и библиотек по вопросам паспортизации заведений. Журнал «Вестник архивиста» содержит рубрику «Из истории архивов, музеев, библиотек» – такое название указывает на косвенное родство этих учреждений.

Выяснение оснований сходства архивов, библиотек и музеев представляется важным и с теоретической точки зрения, поскольку ведёт к сближению соответствующих наук и, возможно, к образованию общей науки. О неослабевающем интересе к теме статуса наук документально-коммуникационного цикла свидетельствуют публикации в профессиональной печати на протяжении нескольких лет: их авторы – А. В. Соколов, М. Я. Дворкина, Т. Ф. Берестова, Т. В. Котюкова, Т. В. Майстрович, Г. В. Романова и другие [5–10].

Возможность возникновения общей науки – предлагаемое название *документальная коммуникология*, – изучающей социокультурные институты документально-коммуникационной сферы, базируется на существовании единого документного пространства (научный факт) [9. С. 19] и на концепции генезиса множества форм информационно-документального пространства [4, 11, 12]. Теоретическая платформа такого союза – изоморфизм социальных институтов документально-коммуникационной системы и построение их единой инвариантной модели на основе модели «Библиотека Столярова» [13. С. 69–71].

Известно, что общее генетическое сходство часто приводит к сходному фенотипу. Так и «общие генетические основания наук информационного и документального цикла формируют общие понятия, которые в последние годы всё чаще обозначаются одними и теми же терминами», – свидетельствует Т. Ф. Берестова [12. С.18]. Однако предметы сходного генотипа могут и резко отличаться по фенотипу вследствие разных условий существования. Не удивительно, что при этом «затемняется» сама сущность предметов. Так, например, в библиотековедении, архивоведении и музееведении бытуют одинаковые по своей сути понятия, но обозначаемые разными терминами. Кроме того, сходный фенотип – не обязательное следствие одинакового

генотипа: широко известное явление конвергенции (в лингвистике существование одинаковых терминов, обозначающих разные понятия, называют омонимией). Следовательно, для согласования терминосистем смежных дисциплин необходимо показать «одинаковость», инвариантность сути основополагающих понятий. Проблема взаимного *перевода* понятий разных дисциплин – одна из сторон процесса теоретизации, который присущ как науке вообще, так и каждой отрасли науки.

Суть физических процессов принято выражать в математических формулах, графиках, схемах, моделях и т.д. Как выразить суть общих генетических оснований наук документально-коммуникационного цикла? Коммуникация совершается посредством понятий, мышление рассматривается как оперирование понятиями [16. С. 87]. Выявить общий базис, влияющий на формирование понятий и мышление в рамках конкретных дисциплин, ясно передать информацию о вещи или процессе позволяет представление предмета в структурно ясном образе [17, 21].

Библиотека, архив, музей именуются в законодательных актах как учреждения (см. соответствующие Федеральные законы РФ). В профессиональной же печати библиотеку, архив, музей называют то учреждениями, то социальными (социокультурными) институтами [13. С. 4–6.]. Исследование этого диссонанса приводит к интересным следствиям и выводам [18].

Неоднократно отмечалось, что в социологии как науке, занимающейся социальными общностями, мало оперируют понятием *учреждение* (его обычно заменяют понятием *социальная, формальная или деловая организация*) [20. С. 475–476], а в перечне социологических понятий Ж. Т. Тощенко *учреждение* отсутствует [19]. Кроме того, в современной социологии принято различать понятия *организация* и *социальный институт* [20. С. 393, 453]. Для выявления разницы понятий *организация* и *социальный институт* предлагалось применить идеи конструктивизма (конструкционизма) [13, 18].

Кратко повторю необходимые основания для вывода инвариантности сути основополагающих понятий наук документально-коммуникационного цикла.

Конструктивистский подход в любом своем проявлении сводится к возможности представить исследуемое как теоретический конструкт (схему, модель) [21]. *Реальную* дефиницию (т.е. объясняющую не название, а предмет, исходя из его внутренних признаков) *конкретного* понятия (за которым стоят реальные предметы) также можно представить в виде конструкта, теоретической схемы (термин В. С. Стёпина [21. С. 48].): как некое целое, элементами которого являются зафиксированные в дефиниции признаки предмета.

«Учреждение», «организация» относятся к конкретным понятиям. В рассуждении употребляется термин *организация (учреждение)*, поскольку в юридических документах, в широко распространённых энциклопедиях и словарях понятия *организация* и *учреждение* определяются либо через друг друга и взаимозаменяемы, либо соотносятся как *род–вид* [13. С. 22].

В результате рассмотрения объекта «в большем масштабе времени» его можно представить либо как процесс, либо как достижение цели процесса, деятельности. Суть деятельности организации (учреждения) сводится к производству ценности (продукта труда) коллективом (персоналом организации) при помощи техники (средств труда) из сырья (предмета труда). Поскольку средства труда и предмет труда составляют средства производства, теоретическая схема понятия *организация (учреждение)* содержит минимум три элемента: персонал организации, средства производства (материально-техническая база, или МТБ) и некий продукт труда, ценность, результат кооперированной деятельности. Каждый из трёх элементов олицетворяет необходимый признак для выделения класса «организация (учреждение)». Структура понятия *организация (учреждение)* в теоретической схеме «персонал – средства производства – продукт труда» предстаёт как «моментальный снимок» деятельности организации (учреждения), выражая суть и понятия, и эмпирического объекта.

Важно отметить, что конструкт «организация (учреждение)» позволяет сделать вывод: МТБ – необходимый элемент системы, без которого невозможно существование любой организации (учреждения), поскольку к средствам производства относятся не только техника (средства труда), которую из-за одинакового и повсеместного использования, казалось бы, можно не учитывать, но и предмет труда, включая сырьё, ради превращения которого в продукт труда, собственно, и соединяются в единый коллектив труженики. Понятно, что без предмета труда никакая деятельность невозможна. Таким образом, любая попытка «удалить» МТБ (равно как и другие элементы) из модели организации (в том числе, библиотеки-организации, архива, музея) разрушает логическую систему связей в понятии *организация (учреждение)*, поскольку все три перечисленных признака необходимы и достаточны, чтобы отличить организацию (учреждение) от других социальных групп.

Добавление же в обсуждаемое понятие дополнительного признака будет избыточным. Так, на том основании, что библиотека – управляемая система, зачастую предлагается ввести признак «управленческого ядра». Решить проблему – вводить или не вводить пятый элемент в систему «библиотека» – также помогает конструктивистский подход. Любой управленец – часть персонала организации, следовательно, иерархия

выстраивается *внутри* элемента «персонал», который уже указан в схеме. При «увеличении масштаба рассмотрения» элемента «персонал» в нём различимы составные части: «управленческое ядро» и «другие сотрудники организации» [13. С. 82–84].

В соответствии с предложенной схемой, лежащей в основе сходства всех организаций (учреждений), рассмотрим *продукт труда* архива, библиотеки и музея.

Архив появился, считает М. Д. Афанасьев, в результате необходимости сохранения документов, фиксирующих правовые нормы, привилегии и ограничения [1. С. 83]; документов, вышедших из употребления по прямому своему назначению, но имеющих историческое, научное, социально-правовое значение.

Собранные и обработанные в «архиве-организации» (произведенный продукт) архивные документы, как правило, не опубликованы, либо малотиражны, либо существуют в единичном экземпляре. Архивный документ *свидетельствует* о событии: В. П. Козлов и М. Д. Афанасьев подчеркивают наличие у архивного документа свойств аутентичности, юридической доказательности [2. С. 72; 1. С. 84]. Архивный документ может иметь широкое историческое, научное и социально-правовое значение (такой документ хранится вечно и, несмотря на существование в единичной форме, обращаемость к нему может быть высокой), а может иметь социально-правовую ценность для узкого круга людей (такие документы хранятся определенный срок и затем подлежат уничтожению). Вторые документы, как правило, малотиражны.

Документы в архиве предоставляют в пользование потребителю по запросу, либо выдают сообщение о наличии и содержании затребованного документа. В результате потребитель получает только соответствующую его запросу информацию, т. е. релевантную.

Архивные документы могут быть представлены и в электронной форме. Обращаемость на сайте к неопубликованному документу может быть разной: очень высокой (если он представляет большую историческую, научную или социально-правовую ценность) или ничтожно малой (если выложен на сайте неопубликованный или малотиражный документ узкопрофильного значения).

Ценные штрихи в характеристике архивного документа подчеркивают архивисты. Так, Т. М. Горяева полагает, что «сущностным отличием архивного документа от книжной информации является качественная характеристика уникальности первого и тиражированности последнего» [1. С. 85]. В. П. Козлов считает, что, в отличие от музейного предмета и библиотечной книги, документ поступает в архив во взаимосвязи с другими документами, исторически или логически связанными друг с другом [2. С. 74]. Последнее добавление особенно важно, если в архивном деле нет какого-либо необходимого документа. Документы, связанные по смыслу, подшиваются вместе и, в случае изъятия или потери, неизбежно «укажут» внимательному исследователю на лауну в конкретном деле и фонде.

Однако такое «жесткое привязывание» единицы хранения к конкретному делу и фонду может служить своеобразным информационным барьером для исследователя, что не позволит получить информацию, соответствующую его потребностям, т.е. пертинентную. В отличие, например, от библиотек, в архивах не существует (точнее, быть пока не может до оцифровывания всего фонда документов) каталогов, где указаны все документы. В архивах исследователи ориентируются на описи и указатели, в которых характеризуется весь массив того или иного фонда в целом.

При выявлении сути предмета берутся лишь его существенные свойства. Видимо, для архивного документа это историческая, научная или социально-правовая ценности, неопубликованность или малотиражность как источники релевантной информации в знаковой форме.

Под библиотечным документом понимается такой документ, который нужен и которым удобно пользоваться в библиотеках в данное время: как правило, это *тиражированный* документ в знаковой форме, удовлетворяющий информационные потребности пользователя. В Федеральном законе РФ «О библиотечном деле» прилагательное «тиражированные» по отношению к библиотечным документам фигурировало до внесения изменений 2009 г. (В ФЗ РФ № 119 от 3 июня 2009 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “О библиотечном деле”» читаем: «1) в статье 1: а) в абзаце втором слово «тиражированных» исключить» [23].)

В современных библиотеках всё большую долю фонда занимают электронные документы, которые воспроизводятся и распространяются с помощью компьютерной техники. Удаление термина *тиражированные*, вероятно, связано с тем, что такой термин не принято применять к электронным документам. Действительно, какой может быть тираж у электронных документов?

Тираж (от фр. *tirage-tirer-печатать, множить*) – это суммарное число экземпляров печатного полиграфического издания одного названия [24]. Тиражировать – устанавливать тираж, количество изданий книги и т.п. Соответственно, тиражированность, – это результат указанного действия. Однако значения понятий

могут меняться. Процесс изменения, видимо, коснулся и понятий *тиражировать*, *тиражирование*, *тиражированность*. Действительно, сейчас бытуют выражения «тиражированность художественных приемов» (имеется в виду их повторяемость, взаимозаменяемость); «тиражированность информации» (речь идёт о передаче её на расстояние, хранения и многоканальности). Таким образом, термин *тиражированность* расширил свое первое – начальное – значение и приобрел значение «серийность». В джазе, рок- и поп-музыке существует выражение «тиражировать лупы» (так называют записанные в виде звуковых – WAVE-файлов короткие, на несколько тактов музыкальные фактуры, наигранные акустически, в реальном времени известными музыкантами-виртуозами) с помощью CD-ROM [25]. Тиражирование возможно понимать как *распространение во множестве* (во многом количестве) *экземпляров*.

Выставленный текст на экранах компьютеров появляется ровно в стольких экземплярах, сколько пользователей «открыло» электронный документ. Можно установить счетчик и подсчитать каждое обращение к документу. Эта цифра – *обращаемость* к электронному документу – также и его *тираж*, поскольку показывает *распространение* документа в *некоем множестве экземпляров*. В отличие от документов на бумажных носителях (тираж которых – величина стационарная и может меняться только в случае допечатки), тираж электронного документа растет по мере обращения к нему. Следовательно, характерный признак библиотечного документа (как электронного, так и нонэлектронного), в отличие, скажем, от архивного, – именно его тиражированность, понимаемая как широкая распространенность комплектуемых документов, или их массовое производство.

Кроме тиражированных документов, во многих библиотечных фондах присутствуют рукописи и диссертации, уникальные книги и другие реликвии, которые свидетельствуют о появлении *архива* внутри библиотеки: подобные неопубликованные и малотиражные документы хранятся в специальных отделах. Об особом хранении подобных документов в библиотеках прямо указано в Федеральном законе о библиотечном деле (2009 г.). Так, в статье 12 добавлен пункт б, в котором записано: «Рукописные документы, входящие в библиотечные фонды, являются составной частью Архивного фонда Российской Федерации». Итак, продукт деятельности и библиотеки, и архива – это документ.

Читатель, пользователь библиотеки может получить более полную информацию по интересующему его вопросу, нежели в архиве, поскольку между ним и нужным ему документом не стоит такой, например, «информационный барьер» [26], как поиск документа по сформированным делам и фондам. Учитывая сказанное, существенными свойствами библиотечного документа, думается, следует считать его тиражированность и возможность быть источником пертинентной информации в знаковой форме.

«Музеи, – считает А. А. Сундиева, – появились тогда, когда ... возникла потребность прикоснуться к памятникам прошлого, представить себе прошлое наглядно, зримо, предметно, эмоционально пережить прошлые трагедии и победы. Письменные памятники не всегда могли удовлетворить эту потребность» [1. С. 78]. Единицу музейного фонда в музееведении принято называть *музейным предметом* [27. С. 10].

Музейный предмет определяется как «включенный в музейное собрание историко-культурный или природный объект, обладающий музейной ценностью, являющийся источником разнообразных знаний и эмоционального воздействия» [27. С. 65]. Любой музейный предмет (будь то реликвия, уникальное произведение искусства, или массовый предмет) – это коллективный продукт труда музея-организации: его отбирают и приобретают в среде бытования, ставят на учет; фиксируют информацию о нём на материальных носителях, которая может включаться в фонды музея. Всё чаще музейными предметами становятся нематериальные объекты (такие, как язык, музыка, танец, ремесла, игры и др.); они моделируются, обретая при этом материальную форму [27. С. 63–64].

«Музейное сообщество и музееведение вплотную подошли к пониманию того факта, что *все объекты наследия могут быть музеефицированы*» [27. С. 65]. Из этого утверждения музееведов следует необходимость расширения понятия *музейный предмет* на явления, процессы. Однако применимо ли понятие *документ* не только к архивному и библиотечному продукту труда, но и к музейному предмету?

Понятие *документ* – дискуссионно, о его трактовке высказывались исследователи, придерживающиеся разных позиций (К. Б. Гельман-Виноградов, Ю. Н. Столяров, Г. Н. Швецова-Водка и другие) [28–30]. Если взять за основу широкое определение документа Ю. Н. Столярова «Документ – объект, позволяющий извлечь из него требуемую информацию» [29. С. 17], то музейные предметы – как свидетельства, служащие источником разнообразных знаний и эмоций (информации), – мы вправе именовать *музейными документами*. Более того, предложение Ю. Н. Столярова о постоянной и переменной составляющей понятия *документ* позволяет дать определения библиотечного, архивного, музейного и других документов в согласии с международным стандартом ИСО «Информация и документация» и в соответствии с профилем документального фонда [30; 31].

Итак, сходство архивов, библиотек и музеев обусловлено тем, что продукт деятельности всех – тот или иной *документ*. Следовательно, теоретическая схема, выражающая общую сущность понятий *библиотека-*

организация, архив-организация, музей-организация: «персонал–МТБ–документ». Схема выражает общие генетические основания архивов, библиотек и музеев.

Общество ставит перед архивами, библиотеками и музеями разные задачи. Своеобразие задач влияет на функции и продукт труда учреждений, поскольку качество (совокупность существенных свойств) элемента системы определяется его надсистемой. Таким образом, качество документа зависит от целей, которые ставит общество и государство перед архивом, библиотекой или музеем.

Понятно, что если библиотечный документ передать в музей, то его (документа) назначение станет другим – из общественно доступного для чтения он станет экспонатом, выставленным в витрине. Если тот же самый бывший библиотечный документ попадет в архив, то к нему будут применены правила пользования архивными документами. Главное отличие музейного предмета от архивного документа А. А. Сундиева видит в том, что «большая часть архивных материалов изначально создавалась с целью фиксации определённой информации, а затем с этой целью хранилась в архиве», музейные же предметы специально не создавались для передачи информации [1. С. 78].

Важнейшей задачей архива М. Д. Афанасьев считает хранение документов, поскольку с помощью этой функции гарантируется «преемственность государственной, общественной и частной жизни» [1. С. 84]. Музеевед А. А. Сундиева также подчеркивает, что поскольку «архивы служат задаче поддержания той части исторической памяти, которая одновременно является информацией, позволяющей верховной власти, позднее – государству выполнять свои функции», то архив выполняет прежде всего функцию хранения. В отличие от музея, который «должен и хранить, и демонстрировать» [1. С. 79]. Тем не менее и архив, и библиотека, и музей «и хранят, и демонстрируют», при этом обозначая свою деятельность, казалось бы, разными понятиями, но едиными по своей сути. Основные совпадающие функции – комплектование, организация хранения и использования.

Общие функции библиотек, архивов, музеев обобщила М. Я. Дворкина: это *кумулятивная* (сбор, обработка, хранение информации) и *трансляционная*. «Библиотечное, архивное, музейное и другие виды информационного обслуживания ... отличаются доминирующими в каждом из них формами услуг. Если для библиотеки – это предоставление документов во временное пользование, справок, то для музея – экспозиционные услуги, экскурсии» [6].

Обратим внимание, что первая из названных функций – кумулятивная – выполняется в организациях (учреждениях) без участия пользователей, в этом случае персонал (с помощью средств производства) создаёт продукт труда: в нашем случае – архивный, библиотечный или музейный документ. Вторая – трансляционная функция – возникает при обслуживании пользователя, посетителя. Процесс обслуживания в архивах, библиотеках и музеях можно кратко выразить схемой: «*организация (учреждение) – потребитель*», или точнее «*организация (учреждение) документально-коммуникационной сферы культуры – пользователь*». Новый конструкт обладает важным признаком: он построен на основании взаимодействия двух субъектов – *производителя* некоего продукта труда, деятеля, и его *потребителя*.

При наличии совместной деятельности минимум двух разных субъектов связь между организацией и потребителем считается *социальной* [20. С. 19, 103]. Но является ли социальная общность «организация (учреждение) – «потребитель» социальным институтом? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить признаки, которыми должны обладать субъекты в социальном институте.

Существует множество научных направлений, изучающих социальные институты, и сотни его определений. Почему существуют различные, подчас непримиримые, научные направления? По мнению Анатолия Рапопорта, одного из создателей теории систем, существование различных научных подходов – следствие разного опыта мышления. Мышление же регулируется способом организации идей, который задаётся той или иной дисциплиной. Следовательно, – делает вывод А. Рапопорт, – «междисциплинарная деятельность зависит от способности людей мыслить в терминах более чем одного языка... поскольку языки научных дисциплин различаются не только словарём и грамматикой (как обычные языки), но также более глубокими своими аспектами, значение которых, как представляется, и может быть передано фразой принципы организации мышления» [Цит. по: 33. С. 211]. Преодоление антагонизма различных направлений мысли, являющихся следствием рассмотрения разных аспектов одного и того же предмета, видится в выработке более общего и «отдалённого» взгляда на исследуемый предмет как целое.

В отличие от конкретного понятия *организация (учреждение)*, понятие *социальный институт* – видимо, результат гипостазирования, трактуемого как сознательное конструирование абстрактного понятия, которое не имеет и не может иметь чувственного референта, т.е. не может быть отождествлено с какой-то реальной вещью. Такие понятия, по словам Ф. Хайека, «обозначают устойчивую структуру, порядок, в котором разные вещи могут быть соотнесены друг с другом» [Цит. по: 32. С. 219]. Для определения схемы реального понятия искались его признаки – характерные свойства конкретного предмета (они и стали элементами системы). Для определения схемы гипостазированного понятия, видимо, следует искать определяющую связь, выражающую

явление. Тот признак, который выражает устойчивую структуру конструкта, «задаёт» необходимые и достаточные элементы схемы гипостазированного понятия.

Поскольку социальный институт возникает в ответ на запрос общества, то его структуру определяет наличие устойчиво воспроизводящейся *коммуникации* минимум двух субъектов – *производителя* и *потребителя*, выполняющих специфические функции по удовлетворению общих потребностей на материальном, духовном и/или эмоциональном уровнях. Все известные признаки социального института [20. С. 19, 41–63, 393–442] соответствуют признакам социальной общности «организация (учреждение) – потребитель». Так, «организация (учреждение) – потребитель» – исторически устойчивая, воспроизводящаяся форма отношений в обществе, которая осуществляется повсеместно по определённым нормам и правилам, создается людьми для удовлетворения общей потребности и организует применение (обмен) произведенной общезначимой ценности. Но главным признаком социального института всё-таки следует считать наличие устойчивой структуры *производитель–потребитель*, позволяющей удовлетворять общие потребности.

На основании сказанного конструкт «организация (учреждение) – потребитель» можно трактовать как схему одной из форм «социального института», где *производитель, деятель, создатель* представлен «организацией (учреждением)».

Более общая схема «*созидатель* ↔ *потребитель*» (или «*созидатель* ⊥ *потребитель*») акцентирует внимание не только на взаимодействии двух равноправных субъектов, одинаково необходимом обеим сторонам, что важно для современного взгляда на библиотеку, архив, музей: видеть в пользователе субъект, а не объект управления; оставить в прошлом идеи вроде «руководства чтением» и идеологическое давление на пользователя. Но схему «*созидатель–потребитель*» можно прочесть и как необходимость творческого отношения деятеля к своему труду. Необходимость «созидателей» (неважно, что понимать под этим термином – социокультурные объекты или отдельные индивиды) «пользователю», «потребителю» – вот «движитель» развития общества, поскольку «потребитель» – в идеале – это весь социум. Два элемента в схеме социального института равноправны, между ними в идеале должен происходить *диалог*, в отличие от организации, в которой из-за её структурной иерархии преобладает *монолог*.

Отметим: поскольку конструкты «организация (учреждение)» и «социальный институт» отличаются отсутствием/наличием элемента «пользователь», то и эти понятия *различны*, т. е. их нельзя применять к одному и тому же объекту. Основание для такого утверждения – один из постулатов системного мышления: если изменение состава системы меняет взаимосвязи элементов, её цель, то это неминуемо ведёт к появлению другой системы [34. С. 42]. Так, «добавление» одного электрона к протону создаёт устойчивую систему – атом водорода, а «библиотеку-учреждение» превращает в «библиотеку-социальный институт» элемент «пользователь».

Критики моей гипотезы пишут, что «библиотека-учреждение, в которой нет читателя, не является "действительной" библиотекой, так как превращается в книжный склад» [35. С. 58]. Конечно, действительной библиотекой – т.е. *действующей* – может быть лишь «библиотека-социальный институт» («библиотека-учреждение», обслуживающая своих пользователей). Без читателей «библиотека-учреждение» всё-таки существует, например, в период ремонта, реорганизации, занимаясь лишь «производством библиотечного продукта»: комплектуя и описывая фонд, создавая каталоги. Книжный же склад – это другой вид учреждения (со своей спецификой), которое при отгрузке продукции он также «превращается» в социальный институт (схема понятия *производитель–потребитель*).

Согласна, что «из науки логики известно, что чем беднее содержание понятия, тем шире его объём», но на основе этого верного суждения С. А. Басов делает неверный вывод о соотношении понятий *библиотека-социальный институт* и *библиотека-учреждение* [35. С. 59]. Дело в том, что закон обратного отношения между объёмом и содержанием понятия относится к понятиям в иерархии *род-вид* и не относится к понятиям в иерархии *система-элемент*, или *целое-часть* [16. С. 136]. (Так, несмотря на то, что Земля – часть Вселенной, нельзя сравнивать объёмы и содержание их понятий. Также несравнимы объёмы и содержание понятий *крыло самолёта* и *самолёт*.)

Объёмы же и содержание двух понятий, имеющих один и тот же род, сравнивать можно. Действительно, при сравнении понятий *социальный институт* (род) и *библиотека-социальный институт* (вид), ясно, что первое понятие шире по объёму и беднее по содержанию. То же самое можно сказать и про понятия *учреждение* и *библиотека-учреждение*, поскольку кроме всех признаков учреждения, в библиотеке-учреждении присутствуют и свои специфические признаки.

Итак, у понятий *библиотека-социальный институт* и *библиотека-учреждение* – разный род. Объёмы и содержание их понятий сравнивать нельзя, но можно определить соотношение между понятиями, которое фиксируется как система и подсистема (элемент), поскольку все элементы схемы понятия *библиотека-учреждение* входят в схему понятия *библиотека-социальный институт* [13. С. 44].

Конечно, трудно менять устоявшиеся годами представления о библиотеке, но подумать только, какие трудности преодолели физики, когда было предложено считать электрон и частицей, и волной! Главное, чтобы предложенная гипотеза работала и позволяла решать некоторые реальные проблемы. Выявление отличия «библиотеки-учреждения» от «библиотеки-социального института» помогает найти, например, обоснования для нахождения места библиотековедения в Номенклатуре специальностей научных работников [14].

Различие конструктов «организация (учреждение)» и «социальный институт» и невозможность *одновременно* именовать ими один и тот же объект (свойство взаимоисключительности), указывает на их категориальность, иначе говоря, эти понятия одновременно и категории. Предлагаемая визуализация «категориальной схемы» понятия помогает уменьшить его разночтения.

Категории – основные понятия конкретных наук – это предельно общие по объёму понятия (в отличие от философских категорий – предельных общих фундаментальных понятий). Понятие развивается, усложняется и может со временем превратиться в категорию, однако при этом меняется его функция как инструмента познания. Один и тот же термин, словосочетание могут обозначать и категорию, и понятие. Например, если *библиотеку, архив, музей* рассматривать как понятия, то их достаточно характеризовать отдельно, вне системы других понятий. В зависимости от выделяемых признаков, при систематизации понятий выделяются, по возможности, их виды. Так, видами рода «организация» считаются «библиотека-организация», «архив-организация», «музей-организация»; а видами рода «социальный институт» – «библиотека-социальный институт», «архив-социальный институт», «музей-социальный институт».

При характеристике «библиотеки» («архива», «музея») как категории следует показать, что она возглавляет некий класс объектов, а сама входит в более крупный класс. Так прослеживается развитие понятия, проявляющееся в изменении его объёма и содержания [13].

Уточнение понятия *библиотека* по признаку *степень предоставления библиотечного документного продукта в пользование* показало, что в понятие *библиотека* входит пара противоположных понятий: *библиотека-социальный институт* и *личная библиотека*. Включаясь в объём родового понятия *библиотека*, они занимают в нём разные полюса по этому признаку. При этом *библиотека-социальный институт* и *личная библиотека* предстают как *единицы (части)* понятия *библиотека*, включенного в систему связей понятий библиотековедения, социологии и культурологии. Поскольку аналогичная дифференциация понятий *архив* и *музей* легко представима, то – и в систему связей понятий архивоведения, музееведения.

Категориальная структура научных дисциплин постепенно преобразуется: появляются новые понятия, значения понятий уточняются, видоизменяются. «И тот факт, что культура начинает говорить новым языком, – лучшее свидетельство того, что общество углубляет и расширяет своё видение сущего... подлинное расширение видения сущего связано не столько с введением новых терминов, сколько с их концептуализацией и нахождением новых смыслов» [36. С. 105].

Предполагаемое сближение библиотековедения, архивоведения и музееведения, вызванное объективными факторами сближения объектов их исследования – образованием «архива-библиотеки-музея», – должно повлиять и на развитие других понятий. Возможно, при образовании *синтетического* объекта «архив-библиотека-музей», понятиями *архив, библиотека, музей* будет утрачено свойство взаимоисключительности, характеризующее отдельные категории. В этом случае должна измениться роль самих категорий.

Применение в анализе понятия *библиотека* идей конструктивизма приводит к более точному пониманию того, *что такое библиотека*: чем она специфична, в чем её родство с другими учреждениями, в каком случае её можно называть социокультурным институтом. Библиотека в окружении множества разнообразных социальных институтов предстаёт как необходимая и равноправная часть целого – *единица социума*, неразрывно с ним связанная.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Дискуссия** вызвана взаимным интересом / М. Д. Афанасьев, Т. М. Горяева, З. А. Силаева, А. А. Сундиева // Отеч. архивы. – 2004. – № 6. – С. 75–86.
2. **Козлов В. П.** Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти // Там же. – 2004. – № 6. – С. 71–74.
3. **Бернат А.** Архивы, библиотеки и музеи – институты общественной памяти. Что их различает и сближает // Там же. – 2005. – № 2. – С. 60–65.
4. **Берестова Т. Ф.** Общедоступная библиотека как часть информационного пространства: теоретико-методологические аспекты. – Челябинск, 2004. – 461 с.

5. **Соколов А. В.** Объекты и предметы библиотекосведения, библиографосведения и информатики (метатеоретический анализ) // Соколов А. В. Ретроспектива–60. – Санкт-Петербург : Независимая Гуманитарная Академия, 1994. – С. 184–200.
6. **Дворкина М. Я.** Обслуживание пользователей в библиотеках, музеях и архивах: общие и отличительные черты [Электронный ресурс] // Электрон. б-ки. – 2002. – Том 5. – Выпуск 4. – Режим доступа: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal2002/part4/dvorkina>.
7. **Берестова Т. Ф.** Статус наук документально-коммуникационного цикла в общей системе знаний. Материалы “круглого стола” // Библиотековедение. – 2007. – № 1. – С. 29–31.
8. **Котюкова Т. В.** Документация в информационном обществе: управление документацией как сфера профессиональной деятельности // Отеч. архивы. – 2008. – № 1. – С. 116–117.
9. **Майстрович Т. В.** Библиотеки, архивы, музеи: понятийный ряд // Библиотековедение. – 2000. – № 3. – С. 16–22.
10. **Романова Г. В.** Архивисты на Всероссийском библиотечном конгрессе // Там же. – 2008. – № 5. – С. 122.
11. **Берестова Т. Ф.** Информационное пространство библиотеки: понятие и структура // Библиотековедение. – 2007. – № 4. – С. 38–42; № 5. – С. 46–49.
12. **Берестова Т. Ф.** О законах и закономерностях в информационной и документально-коммуникационной сферах // Вестник Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2009. – № 1 (17). – С. 15–19.
13. **Полтавская Е. И.** Библиотека: учреждение и/или социальный институт? – Москва : Литера, 2009. – 176 с. – (Современная библиотека; вып. 43).
14. **Полтавская Е. И.** Обоснование места библиотекосведения в Номенклатуре специальностей научных работников // Вестник Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2009. – № 1. – С. 6–14.
15. **Столяров Ю. Н.** Библиотекосведение, библиографосведение и книговедение как единая научная специальность. – Орёл : ОГИИиК, ООО ПФ «Оперативная полиграфия», 2007. – 266 с.
16. **Войшвилло Е. К.** Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. – 240 с.
17. **Морозов Ф. М.** Схемы как средство описания деятельности (эпистемологический анализ). – Москва, 2005.
18. **Полтавская Е. И.** О конструктивизме, системах и законах библиотекосведения (частный взгляд на общие проблемы) // Вестник Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2010. – № 2. – С. 19–25.
19. **Тощенко Ж. Т.** О понятийном аппарате социологии // Социол. исслед. – 2002. – № 9. – С. 3–16.
20. **Социология.** Основы общей теории / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – Москва : Норма, 2008. – 912 с.
21. **Конструктивистский** подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В. А. Лекторский. – Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 368 с.
22. **Дубровский В. Я.** Введение в общую теорию деятельности. Лекция 3 [Электронный ресурс] // Некоммерч. науч. Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого». – Москва, 2005–2011. – Режим доступа: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/67>.
23. **Федеральный закон РФ № 119** от 3 июня 2009 г. «О внесении изменений в Федеральный закон ”О библиотечном деле”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kodeks.ru/noframe/com-pus-FullLegRF?d&nd=902159571&prevDoc=9010022>.
24. **Мильчин А. Э.** Издательский словарь-справочник [Электронный ресурс]. – Москва, 2006. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/milchin>.
25. **Королёв О. К.** Краткий энциклопедический словарь джаза, рок- и поп-музыки: термины и понятия [Электронный ресурс]. – Москва, 2006. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/popdict>

26. **Берестова Т. Ф.** Библиотеки в преодолении информационных барьеров // Библиотекосведение. – 2005. – № 1. – С. 53–56.
27. **Основы музееведения** / отв. ред. Э. А. Шулепова. – Москва : Единотиап УРСС, 2005. – 504 с.
28. **Гельман-Виноградов К. Б.** Трудности научной трактовки понятия "документ" и пути их преодоления // Отеч. архивы. – 2005. – № 6. – С. 39–52.
29. **Столяров Ю. Н.** Документ – понятие конвенциональное (в порядке дискуссии) // Делопроизводство. – 2005. – № 4. – С. 11–18.
30. **Швецова-Водка Г. Н.** Документ в свете ноокоммуникологии. – Москва : Литера, 2009. – 320 с. – (Современная библиотека; вып. 65).
31. **Столяров Ю. Н.** Документ: инвариантная и вариативная компоненты дефиниции // Науч. и техн. б-ки. – 2010. – № 11. – С. 25–33.
32. **Микешина Л. А.** Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. – Москва : Российская политехническая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 575 с.
33. **Автономова Н. С.** Рассудок. Разум. Рациональность. – Москва : Наука, 1988. – 287 с.
34. **Медоуз Д.** Азбука системного мышления / Донелла Х. Медоуз; под ред. Д. Рай; Ин-т устойчивого развития; пер. с англ.; под ред. чл.-кор. РАН Н. П. Тарасовой. – Москва : БИНОМ; Лаборатория знаний, 2010. – 343 с.
35. **Басов С. А.** Об институциональном подходе в библиотекосведении // Науч. и техн. б-ки. – 2011. – № 3. – С. 50–69.
36. **Делокаров К. Х.** Синергетика и динамика базовых смыслов // Синергетическая парадигма: когнитивно-коммуникативные стратегии современного науч. познания. – Москва, 2004. – С. 88–106.